

В. И. Шуйского, он в конце концов оказался в оппозиции к боярству и к православной церкви, за что неоднократно подвергался ссылке.⁵¹ И. А. Хворостинин известен как автор интересного сочинения по истории «смуты».⁵² Не вдаваясь здесь в рассмотрение деятельности «князя-летописца», «князя-еретика», скажем только, что связать с ним Повесть о епископе Василии вряд ли было возможно, если последняя представляла сплошной вымысел.⁵³

Из сказанного возникает мысль, что в основе редакций Повести XVI в. и Псковского списка начала XVII в. лежало местное сказание, вероятно XV в., а может быть и второй половины XIV в., типичное для периода борьбы за областную самостоятельность, когда областные феодальные силы возрождали местные святыни, культы «преждеотошедших святителей» и т. п.⁵⁴

Для Рязанского княжества это был очень напряженный период, начавшийся борьбой князя Олега Ивановича с Дмитрием Донским и закончившийся полным подчинением рязанских князей Москве. В этой борьбе были, конечно, мобилизованы все силы, в том числе и церковные и художественные. Подобно тому как Новгород, Тверь и Москва доказывали свой приоритет обращением к древним святыням, так и Рязань (Переяславль-Рязанский) должна была выставить аналогичные доказательства.⁵⁵ В этой обстановке благодарный материал давал сюжет перехода епископа Василия из Мурома в Рязань. До окончательного утверждения епископской кафедры в Переяславле-Рязанском центр рязанской епископии находился, по-видимому, попеременно то в Рязани (Старой), то в Муроме.⁵⁶ Во время нахождения епископов в Муроме они назывались муромскими и рязанскими, а во время нахождения их в Рязани — рязанскими и муромскими.⁵⁷ К концу XIII в. приоритет в церковных делах окончательно закрепился за Рязанью (Старой). Возможно, что сюжет изгнания епископа Василия из Мурома следует связывать с епископом Василием I,⁵⁸ который в 1294/95 г. умер и был погребен, конечно, в Рязани Старой, а не в Переяславле-Рязанском. В конце XIV или в XV в., когда слагалось Сказание о епископе Василии, в этом Сказании могли слиться воспоминания о Василии I (мотив древности рязанской епископии и ее независимости от Муромы) и данные о Василии II (мотив самостоятельности кафедры

⁵¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 182 и сл.; Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли. М., 1919, стр. 262—274.

⁵² По мнению С. Ф. Платонова, это сочинение было написано И. А. Хворостининым вскоре по возвращении из Переяславля-Рязанского (С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 202).

⁵³ Небезынтересно в этой связи отметить, что И. А. Хворостинин состоял в дружбе с рязанским архимандритом Феодоритом, при котором происходила местная канонизация епископа Василия.

⁵⁴ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 84—87.

⁵⁵ Показательно в этом отношении полное совпадение сюжетов искушения святителей бесом, путешествия их против течения реки, перенесения святынь и т. д. в Повести о епископе Василии и в новгородском сказании о первом архиепископе Иоанне. В Псковском списке епископ Василий прямо сравнивается с «Иоанном новгородским».

⁵⁶ Е. Голубинский считал, что в Муроме никогда епископии не было (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122).

⁵⁷ Т. Воздвиженский. Историческое обозрение..., стр. 5 (примечание), стр. 18; Макарий. Сборник..., стр. 95.

⁵⁸ Е. Голубинский считал, что в Сказании о епископе Василии следует видеть переработку сюжета одного из очередных возвращений рязанского епископа Василия I из лаптырской поездки в Муром (Е. Голубинский. История канонизации..., стр. 122, примечание).